

Вместо заключения

Негативное восприятие разнонаправленных (негативно-позитивных) перемен в социально-трудовой сфере

Из всего, о чем говорилось выше, следует, что изменения трудовых отношений и трудовых доходов, равно как и перемены в быту и потреблении, образуют противоречивое соединение разнонаправленных процессов, обуславливающих сосуществование в народном большинстве (даже если отбросить не входящие в него крайние верхи и низы) слоев удачливо-благополучных, выигрывающих от преобразований и слоев бедствующих, проигрывающих, не имеющих возможности приспособиться к новому строю жизни. Но еще большее место занимают в его составе категории, что-то выигрывающие и одновременно что-то теряющие. В этом смысле представление о противоречивом синтезе обретений и потерь точнее характеризует материально-экономическое положение основной части населения, нежели противопоставление выигрывающих и проигрывающих групп. При таком подходе к ухудшениям в положении народного большинства логично отнести не только увеличение до трети доли бедствующих слоев вместе с сопутствующим углублением неравенства, но и непомерное уменьшение реальных доходов у всей основной массы населения, появление безработицы и потерю этой массой беззаботной уверенности в постоянных источниках заработка, снижение качества ее питания, сокращение возможностей отдыха, рекреации, тяготы распада многих привычных форм здравоохранения и образования. Точно так же улучшение народной жизни выражается (помимо утверждения основ политической демократии и рынка) как в расширении числа тех, кому стал доступен уровень благополучия, который прежде был типичен для много более узких номенклатурных каст, так и в том, что трудовые отношения у всех работников приобрели более свободный характер, все они получили более широкие возможности создания свободных профсоюзов, в качестве потребителей избавились от давления дефицита и ощутили блага потребительского выбора; в итоге основная часть семей сумела лучше одеться и обновить бытовую технику, большее, чем в прошлом, число людей стало приобретать автомашины, телефонизировать свои жилища, обзаводиться загородными домиками.

Таблица I

Обретения и потери (примеры улучшения и ухудшения условий труда, быта, потребления основных слоев населения России в 90-е гг.)

Показатели улучшения и прогресса	Показатели ухудшения и деградации
1. Формирование подлинных профсоюзов. Свобода забастовок и коллективных действий в защиту социальных интересов. Начало демократизации трудовых отношений. 2. Преодоление дефицита, утверждение свободы потребительского выбора. 3. Обновление и рост потребления промышленных товаров и бытовой техники. 4. Прогресс массовой автомобилизации и телефонизации. 5. Возможность свободного выбора форм досуга и развлечений. Свобода получения культурной и политической информации. 6. Начало массовых поездок за границу.	1. Сокращение доходов большинства граждан: снижение реальной заработной платы и покупательной способности пенсий; потеря личных сбережений, накопленных к началу 90-х гг. 2. Массовое распространение задержек выплаты зарплаток, пенсий, пособий. 3. Появление безработицы. 4. Ухудшение питания, массовый возврат к хлебно-картофельному потреблению. 5. Ухудшение систем досуговой рекреации и обеспечения отпускного отдыха. 6. Деградация систем дошкольного воспитания и летнего отдыха детей. 7. Сокращение полного среднего образования, начального и среднего профессионального образования; рост отсева из основных школ, появление детской беспризорности. 8. Опасность распада жилищного и коммунального обслуживания.

им. Процессы внутри массового сознания, социально-психологические факторы как таковые играют тут самостоятельную роль. Разнонаправленная динамика перемен в материально-экономическом положении существенна, помимо всего прочего, и потому также, что она увеличивает независимое влияние этих социально-психологических факторов и тем самым повышает относительную автономность сознания вообще и оценки социальных сдвигов, в частности.

Понятно, что в обстановке явного преобладания изменений к худшему, относительная независимость массовых настроений чаще всего проявляется в том, что недовольство жизнью нарастает быстрее, чем происходят фактические перемены. Конечно, случается, что эйфория и энтузиазм овладевают народным большинством в моменты всеобщего ухудшения материального положения, а пессимизм господствует в периоды улучшений. Но такие несоответствия, как свидетельствует исторический опыт, возникают очень редко и обычно ненадолго.

Иное дело в ситуации, когда положение народного большинства меняется в разных направлениях, и особенно, если масштабы разнонаправленных процессов сопоставимы друг с другом. Тогда переживания,

оценки условий жизни могут принимать более сложный, крайне противоречивый характер. Причем решающее воздействие на возобладание позитивных или негативных оценок способны сыграть как устойчивые, долговременно-фундаментальные явления, укорененные в культуре, традициях, истории страны, так и сознательные идейно-просветительские воздействия (либо, напротив, отсутствие воздействий) конкретных общественных сил и институтов, а то и вовсе случайное стечение обстоятельств. В России 90-х гг. возможность различных реакций массового сознания при разнонаправленных переменам обернулась преобладанием однородно негативных оценок разнородного изменения реальных условий жизни. Социально-психологическое переживание сдвигов в материальном положении оказалось заметно более пессимистическим, окрашенным в более мрачные тона, нежели это следует из фактического, сопоставимого по размаху соотношения обретений и потерь в народной жизни.

Определенно негативно оценивают свое материально-экономическое положение не только действительно бедствующие люди, но зачастую также те, кто живет в промежуточных или вовсе благополучных условиях, у кого баланс положительных и отрицательных сдвигов имеет сравнительно уравновешенный характер. Данные всероссийских репрезентативных обследований 90-х гг. свидетельствуют об этом как нельзя более ясно. Напомним, что, судя по совокупности объективных и субъективных показателей, материально-экономическое положение 10-15% опрошенных в этих обследованиях являются бесспорно благополучным. Но субъективно свое материальное положение считают хорошим примерно 5 % опрошиваемых; говорят, что жизнь их более или менее устраивает, менее 10 %. В тех же обследованиях доля материально бедствующих по совокупности критериев превышает 30 %. Между тем, о плохом и очень плохом материальном положении, о его резком ухудшении в последние годы, о том, что нынешняя жизнь никого не устраивает, сообщают 50-55 % опрошенных; на том, что жить трудно, настаивают даже 90%, в том числе 35-40% заявляют, что они не могут больше терпеть нынешнее бедственное положение.

Сравнение этих ответов с некоторыми более общими суждениями опрошенных подтверждает, что превышение негативизма субъективных оценок сравнительно с объективным весом отрицательных и положительных перемен во многом объясняется социально-психологическими факторами. Очень показательным, в частности, что, если собственное материально-экономическое положение оценивают как плохое свыше 50 % населения, то экономическое положение всей страны называют плохим или очень плохим более 75 %. То есть там, где оценка менее тесно связана с личным опытом, она оказывается мрачнее. Вряд ли стоит сомневаться, что, при прочих равных, чем значительнее роль

личного опыта в формировании оценки, тем точнее она отражает объективные пропорции перемен. Ухудшение оценок по мере убывания личного опыта свидетельствует поэтому, что такое ухудшение определяется какими-то социально-психологическими факторами и влияниями, отличными от простого отражения соотношения позитивных и негативных сдвигов.

Самые разные обстоятельства привели к тому, что в России 90-х гг. при разнонаправленности фактических перемен их психологические оценки носят по преимуществу однонаправленно негативный характер. Немалое значение имеет сама новизна, непривычность многих позитивных явлений в противоположность привычной традиционности того, что теряется. В этом одна из причин того, что устранение дефицита, очередей, освобождение от унижения личных связей в сфере услуг, появление свободы потребительского выбора обычно ощущается как гораздо меньшее благо сравнительно с тяготами дороговизны и низких доходов. Признавая блага преодоления дефицита, большинство населения не считает его равноценной заменой утраченному, но привычному соотношению цен и заработков.

К тому же некоторые потенциально положительные перемены начинают играть реальную роль лишь после того, как миллионы людей освоят новые возможности, научатся пользоваться ими. Такое освоение требует времени, подчас немало. Иными словами, потери старых благ всегда ощущаются сразу, тогда как некоторые приобретения имеют, так сказать, отложенный характер. Особенно важно, что плохо освоенными пока остаются новые формы отстаивания социальных прав, социальной поддержки и солидарности. Разрушение госсocialизма в России сопровождалось устранением (не всегда оправданно быстрым) свойственных ему механизмов социальной защиты. Защита эта была основана на тотальном подчинении всего и всех единой системе управления, что позволяло отчасти сдерживать произвол одних институтов и функционеров действиями других, жалобами в вышестоящие инстанции, надзорные органы и т. п. Социальные права, осуществляемые подобным образом, всегда остаются крайне ограниченными. Но и в рамках новой системы их расширение достигается лишь тогда, когда старые порядки не просто ликвидируются, но замещаются иными социальными институтами, более эффективными и более соответствующими рынку. Подобные институты постепенно складываются в российском обществе. Как уже говорилось, создание настоящих профсоюзов, утверждение свободы забастовок и использования иных видов давления на работодателей и государство объективно представляют собой серьезнейшее улучшение в положении народного большинства. Однако улучшения этого рода имеют сейчас скорее потенциальный, нежели реальный характер. Основная масса населения еще не умеет пользоваться новы-

ми возможностями, не накопила необходимого опыта, не полностью освоила искусство самоорганизации; ценности индустриальной солидарности еще не стали органической частью массового сознания. У нас возникли настоящие профсоюзы, но они все же гораздо слабее, чем в старых индустриально-рыночных обществах. Российские трудящиеся стали использовать стачки, но делают это гораздо реже и менее эффективно, чем в других странах. Мало того, патерналистская вера в то, что право на забастовку помогает только «смутьянам» и приносит обществу больше вреда, чем блага, все еще распространена в нашем массовом сознании, в том числе и в массовом сознании промышленных рабочих.

В долговременной исторической перспективе постепенность овладения новыми социальными механизмами в переходной России выглядит закономерной и нормальной. На Западе аналогичный процесс развертывался еще медленнее. Но сегодня, в период, когда старые формы социальной защиты уже разрушены, а новые еще не освоены, постепенность нередко оборачивается ослаблением фактического уровня социальной защищенности в данный момент, «здесь и сейчас». Во всяком случае, именно так воспринимает ситуацию народное большинство. Несмотря на очевидное расширение свобод и основ демократии, около 70 % людей, охваченных репрезентативными опросами середины и второй половины 90-х гг. (при неизбежных колебаниях от опроса к опросу), убеждено, что у нас не соблюдаются социальные права (право на труд, отдых и т. п.), столько же не уверены в завтрашнем дне, а более половины вообще не чувствуют себя свободными людьми*.

Потенциальный, но пока не полностью реализованный характер социальных благ не сводится просто к некоторому ухудшению пропорций в конечном балансе потерь и обретений. Именно потому, что ухудшение затрагивает социальные отношения, оно воспринимается как нарушение социальной справедливости. У немалой части населения оно перерастает в ощущение господства, преобладания социальной несправедливости. Ясно, что это ощущение сильно влияет на оценку множества других жизненных обстоятельств, всего соотношения отрицательных и положительных перемен, меняющегося строя жизни в целом.

В более широком смысле однородно негативному восприятию разнородных изменений способствует также то обстоятельство, что людям, чья социализация завершилась в рамках прежней общественной системы, почти невозможно полностью приспособиться к современной жизни и тем более принять ее мироощущение, ценности, символы. В результате вообще характерное для сегодняшней России превышение социально-психологической неудовлетворенности, сравнительно с реальным соотношением объективных ухудшений и улучшений,

* Мониторинг общественного мнения. 1998. № 2. С. 20.

достигает у части старших и даже средних поколений чрезвычайной напряженности. Она проявляется в массовом недовольстве и раздражении. В используемых нами обследованиях среди молодежи до 30 лет насчитывается около 25 % бедных, выделенных по многомерным критериям, и 35-40 % говорящих о плохом материальном положении и/или о том, что нынешняя жизнь их не устраивает. В трудно адаптирующихся группах, состоящих из людей старше 30 лет, доля материально бедствующих, естественно, выше — 30-35 %. Однако еще заметнее — до 50-60 % — увеличивается в их составе число тех, кто субъективно считает свое материальное положение плохим и кого не устраивает нынешняя жизнь. В старших поколениях не только выше доля бедствующих, но и значительнее разрыв между реальной бедностью и распространением негативных оценок материального положения населения (см. табл. И).

В формирующемся у нас капиталистическом или посткапиталистическом обществе не только бедствующие группы населения, но значительная доля небедствующих людей из зрелой и пожилой части населения испытывают своего рода социальное отчуждение. Они чувствуют себя если не чужими, то «не вполне своими» в жизни, идущей на смену миру их молодости. Отчуждение, подобно ощущению социальной несправедливости (независимо от того, оправдано оно или нет), так или иначе переносится на оценку других условий жизни, придавая всем им более темную окраску, чем то получается, если судить только по фактическому изменению условий труда и быта. А так как люди среднего и старшего возраста составляют большинство народа, их настроение сказывается на социально-психологической атмосфере всего общества в целом. Вместе с тем, отсюда же вытекает вероятность фундаментального изменения массовых настроений в будущем, по мере естественной смены поколений.

Обусловленность широкого недовольства не одними лишь переменами в материально-экономическом положении, но также и психологическими факторами подчеркивается здесь отнюдь не для того, чтобы приукрасить положение народного большинства или представить социальные требования трудящихся в качестве преувеличенных или неоправданных. В социально-политическом и в обычном человеческом смысле психологические тяготы имеют ничуть не меньшее значение, чем тяготы материально-имущественные. Они образуют вполне реальные социальные факторы, а вовсе не иллюзорные мнимости. Да и общественные противоречия, конфликты, антагонизмы в любом случае всегда вызываются состоянием массового сознания, чтобы на него непосредственно ни влияло — объективные онтологические перемены в условиях жизни или социально-психологическое переживание, оценка этих условий.

Таблица II

Распределение опрошенных по материальному положению и его субъективной оценке в 1995-1997 гг. (в % ко всем опрошенным и опрошенным каждой возрастной категории*)

Категории опрошенных и типы оценок	Доля опрошенных разных групп			
	все опрошенные	моложе 30 лет	30-49 лет	старше 50 лет
Материальное положение по объективным критериям социально-экономического благополучия и неблагополучия				
Благополучные	15	18	14	13
Неблагополучные	31	25	31	35
Субъективные оценки собственного материального положения				
Хорошее	5	8	4	4
Плохое	49	39	51	52
Приятие или неприятие современной жизни				
Жизнь устраивает или отчасти устраивает, отчасти нет	42	57	39	36
Жизнь не устраивает	56	42	59	62
Оценки экономического положения России				
Хорошее	1	1	1	0
Плохое	76	70	78	79
Способность терпеть нынешнее положение				
Можно жить	9	19	8	5
Можно терпеть	47	48	46	48
Терпеть больше невозможно	37	24	40	43

* Сумма ответов меньше 100%, так как не приводятся данные о выбравших промежуточные ответы или не ответивших вообще.

Источник: Данные объединенного мониторинга ВЦИОМ.

Принимать в расчет относительную самостоятельность социально-психологических процессов важно потому, что, учитывая ее, можно получить более ясное и более точное представление о том, как и почему меняется социальная ситуация, каковы ее перспективы, к каким следствиям ведет изменение тех или иных жизненных обстоятельств.